

«ИСКАТЕЛИ СЧАСТЬЯ» В АСТРАХАНСКОЙ СКАЗОЧНОЙ ТРАДИЦИИ

Ивашнёва Лидия Леонидовна, кандидат филологических наук, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: kafruslit@mail.ru.

Композиция, система персонажей, сюжетные типы народной сказки отличаются каноничностью, язык и стиль – формульностью. В то же время инвариантная схема сказки составляет единое целое с процессами преобразований в семантике и структуре текста. В статье рассмотрена сюжетная инверсия образа сказочного героя-искателя.

Ключевые слова: смысловая и структурная трансформация, пародирование традиционного образа героя-искателя, преобразование компонентов сказки до полной противоположности

"SEEKERS OF HAPPINESS" IN ASTRAKHAN FABULOUS TRADITION

Ivashnyova Lydiya L., Candidate of Philological Sciences, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatischev st., e-mail: kafruslit@mail.ru.

Composition, system of characters, plot types of folk fairy-tales differ by the canonicity, language and style – by the formula. At the same time the invariant scheme of the tale is integral to the processes of change in the semantics and the structure of the text. The article considers narrative inversion of the image of the fantastic hero-seeker.

Keywords: semantic and structural transformation, a parody of the traditional image of the hero-seeker, the transformation of the components of fairy-tales to a total opposite

Герой-искатель (невесты, диковинок, жизненных благ) – типичный персонаж классической волшебной сказки. У него есть «предшественники» в архаических мифах о культурном герое. Центральный персонаж мифов добывает культовые объекты, сакральную информацию, необходимые людям умения и знания о мифологических «хозяевах» природных стихий. Сюжеты о пути героя на «тот свет» (в тридевятое царство) и обратно, о приобретении положительным персонажем материальных и духовных ценностей популярны в волшебной сказке, преобразовавшей в своё время указанные мифы в сказочные типы о героях-искателях.

Во многих волшебных и легендарных сказках мотив путешествия героев в иной мир занимает ключевые позиции в структуре текста, имеет сюжетообразующее значение. Данная инвариантная схема служит композиционным стержнем сказок о пути героя в потусторонний мир, о предварительном и основном испытаниях персонажей. Архетипическая модель, безусловно, имеет традиционную основу, претерпевшую трансформации в историческом движении сюжетов от мифа к сказке. В конкретных сказках эта морфологически устойчивая сюжетная схема, в свою очередь, варьируется и модифицируется, приобретает новые оттенки смысла.

Большой интерес представляет почти неизученная разновидность трансформаций сказочного текста, зеркально преобразующая сюжет. Выявляется, что в отдельных случаях может идти речь не только о вариантах и версиях, но и об инверсиях сюжетов и образов народной сказки, о пере-

осмыслении её структурных элементов до полной противоположности. Творчески преобразуя приёмы эпической поэтики, астраханские сказители создают любопытные образцы инверсии или «обращения» сюжетов и образов волшебной сказки. В частности, примером незадачливого искателя жизненных благ является центральный персонаж сказки «Добрый, но ленивый Василь» [1, с. 111–112]. Антиповедение, эгоизм, чудовищная лень и глупость этого главного героя становятся причиной его гибели.

Зеркальное преобразование международного сюжета о путешествии в иной мир за наградой (счастьем), смысловая и структурная инверсия в художественной ткани произведения встречаются нечасто – по сравнению с другими разновидностями трансформаций в народной сказке [2, с. 153–173]. Модификация сюжетного типа СУС 460 А («Путешествие к Богу за наградой») [3] по принципу инверсии обнаруживается в фольклорном тексте письменной традиции «Фельетон. Искатели счастья. (Армянская сказка)» [4, с. 209–211]. Он выявлен нами методом сплошного просмотра дореволюционной периодической печати Астрахани, в «коммерческой и литературной» газете «Восток».

В примечании к заглавию публикации содержится дополнительное указание: «Записано со слов Армянина» [4, с. 209]. По содержанию данный текст, действительно, является сказкой – в литературной обработке неизвестного автора публикации. Трансформация архетипического образа героя-искателя, его переосмысление до абсолютной противоположности придают действующим лицам анализируемой сказки сатирический смысл. Вероятно, поэтому, наряду с термином «сказка», в заголовке текста присутствует другое жанровое определение: «фельетон».

В развёрнутом, достаточно сложном по композиционной структуре произведении хорошо просматривается внутритекстовая связь литературной и фольклорной традиций. Отчётливо видны пути осложнения основного сюжета, которые ведут от устно-поэтической основы к народной книжности. В самом начале фельетона-сказки заметно сходство с традиционной сказочной экспозицией и завязкой. Однако выявляются существенные отличия от них в фольклорном тексте письменной традиции. Стабильная для экспозиции волшебной сказки ситуация старшего и младшего поколений, родителей и детей, мотив смерти отца как усиленной формы отлучки (В.Я. Пропп), завещание отца в завязке сюжета конкретизируются важными деталями. Автору публикации было важно показать жизненные устои и особенности быта армянской купеческой семьи.

Формульный зачин с обозначением места и времени действия здесь отсутствует. Сказка «Искатели счастья» начинается обширной экспозицией, что не типично для устной традиции. Экспозиция знакомит с действующими лицами и подробно характеризует главного героя: «*Каспар, единственный сын одного средней руки купца, после смерти его остался наследником довольно значительного капитала, с помощью которого он мог бы иметь сытный обед, стакан натурального кини (виноградное вино) и хорошенькую жену*» [4, с. 209].

Многоэлементная завязка сюжетной линии оформлена по типу беды и в то же время – «недостачи» (в терминологии В.Я. Проппа). Центральное место занимают в ней «*нравоучения*» / наказания умирающего отца главного героя. В этом завещании акцентируется внимание не на его ритуально-мифологических характеристиках, связанных с культом предков, с поминальной обрядностью, как в сказке «Сивка-Бурка». Здесь дана чёткая программа дальнейшей благополучной жизни Каспара, прорисована реальная перспектива его возможного счастья (при условии соблюдения заветов отца и вековых традиций купеческой семьи).

Прощаясь с сыном, отец даёт наставления: «*будь счастлив, сын мой, следуй советам старших и сумей трудом своим и бережливостью на мой*

капитал нажить ещё капитал, вдвое. Тогда и дети твои, видя хороший пример умеренности, никогда не будут иметь ни в чём нужды и к оставшемуся от тебя капиталу будут стараться приобретать более, а не расточать последнее. Тогда все дети, внуки твои, видя, как безумно расточается наследие другими, и как оно, как дым, исчезает при дурном управлении, будут благословлять тебя и меня, научивших их мудрости» [4, с. 209].

Завещание отца сыну – это программа жизни будущих поколений, но не алгоритм дальнейшего сюжетного действия. Несоблюдение наказов и заветов отца как важнейший компонент завязки аналогично нарушению запрета в эпических произведениях фольклора. Каспар игнорирует завещанные отцом пожелания трудолюбия и бережливости. Он вступает в противоречие с общим мнением своих земляков. Главный герой совершает поступки, не отвечающие житейской мудрости и здравому смыслу. Вместе с тем, нарушение отцовского запрета безрассудно расточать наследие семьи является движущей пружиной всего сюжетного действия данной сказки, что типично для функции нарушения запретов и предписаний в фольклорных текстах. В классической волшебной сказке отправка главного героя из родительского дома – завершающий элемент завязки сюжета, начало противодействия бедствиям, нарушившим привычный порядок жизни. Протагонист совершает подвиги не ради личных интересов, а для того чтобы выручить из беды близких людей. В финале он возвращается в исходную точку своих поисков, приключений и подвигов возмужавшим в испытаниях человеком, духовно преображённой личностью. Положительный герой получает заслуженные личные блага и создаёт семью, высшую ценность в народном миропонимании.

Центральный персонаж сказки «Искатели счастья» отправляется в путь на поиски удачи и счастья, движимый ложным побуждением, «псевдонехваткой» везения в торговых делах. Причины истощения отцовского капитала Каспар видит не в своих ошибках и не в нарушении запрета проживать больше денег, чем зарабатываешь. Ему кажется, что всему виной – «сосед по торговле», отнявший у него счастье с помощью «планетчика»-кудесника.

В дальнейшем развитии сюжетной линии раскрывается главная причина неуспеха Каспара. «Недостача» необходимых человеческих качеств у вступающего в самостоятельную жизнь молодого человека движет его ложными представлениями о людях и опрометчивыми поступками. Антиповедение главного героя на этапе развития действия приводит его уже к реальным, а не мнимым несчастьям.

Введение в сюжет второстепенных и эпизодических персонажей, в том числе образа «планетчика», расширяет текст, что свойственно фольклорным произведениям письменной традиции [5, с. 154–180]. Тем самым, помимо амплификации, усиливается звучание ключевого мотива запрета. Этот важный в структуре завязки персонаж выполняет роль несостоявшегося помощника главного героя, а не вредителя, как ошибочно полагает Каспар. «Планетчик» тщетно пытается вразумить отправившегося за счастьем героя. В ряду других земляков Каспара, предостерегающих его от поспешных и необдуманных поступков, «планетчик» занимает наиболее конструктивную позицию.

В его речи дублируется и уточняется алгоритм реального счастья, успеха в делах и благополучия, завещанный отцом Каспара. Возмущённый обвинениями в свой адрес, «планетчик» произносит эмоционально окрашенный монолог: *«Да не я ли тебе говорил, когда ты жаловался, что у тебя неизвестно куда деваются деньги, чтобы ты купил к твоему сундуку хороший замок, запер его и забросил ключ в воду, а на сундуке, сделав отверстие для абаза [монеты. – примеч. автора публикации], каждый день, с молитвою Богородицы, клал бы в него часть из твоего барыша, а потом через год посмотрел бы, что из этого вышло?»* [4, с. 209].

В ответ на эти риторические вопросы и увещания «искатель счастья» выражает сожаление: *«Долго ждать, матах!»* [*«матах»*, то есть почтенный – примеч. автора публикации]. В данном диалоге психологически точно воспроизведена одна из причин невезения Каспара, отсутствие у него воли и терпения. Кстати, нетерпеливость как частное проявление характера положительного героя волшебной сказки свойственна многим её персонажам, например, Ивану-царевичу из сказки «Царевна-лягушка». Не веря своему счастью, он поспешил сжечь шкурку чудесной жены. В этой волшебной сказке ключевым элементом завязки сюжета является мотив нарушения запрета сжигать шкурку тотемного животного, что приводит к беде, к исчезновению чудесной супруги героя. Поиски царевны-лягушки и борьба за суженую, в свою очередь, способствуют взрослению и духовному становлению главного героя – через испытания его моральных качеств.

Бегство Каспара из родительского дома со всем богатством, полученным в наследство, отчасти напоминает поведение евангельского блудного сына. Однако «искателю счастья» не суждено вернуться домой и начать новую жизнь. На чужбине он теряет всё, что только возможно утратить. В дальнейшем развитии сюжетной линии сбываются опасения его земляков, умудрённых жизненным опытом: *«Не езд, Каспар, – счастье у тебя под рукою, да ты не умел им пользоваться; за каким же ты едешь отсюда-то далеко. И прежде, нежели его найдёшь, сделаешься нищим»* [4, с. 209]. На эксплицитном уровне завязки «Искателей счастья» в диалогах персонажей и в поступках главного героя в основном речь идёт о материальной стороне жизни человека. Между тем подспудно здесь же утверждается пословицная мудрость «Не в деньгах счастье», что является своего рода антифоном происходящему. Лишь в завещании отца Каспара проступает важная мысль о преемственности поколений, о роли созидательного жизненного начала. Данная модель добропорядочного поведения представителя купеческого сословия нацелена на положительный результат, на благополучие потомков.

В дальнейшем развитии сюжета выявляются стабильные структурные элементы международного сюжетного типа СУС 460А *«Путешествие к Богу за наградой»* [3], преобразованные, однако, до полной противоположности. Смысловая инверсия наблюдается, прежде всего, в образах «искателей счастья», антигероев. Истинный герой-искатель выдерживает предварительные и основные испытания. Положительный герой трижды встречает на пути в иной мир второстепенных действующих лиц, терпящих боль, мучения и под. и добывает сакральное знание о том, что нужно для их спасения. Страдающие персонажи (дерево, рыба, зверь, чаще волк, человек и др.) становятся дарителями героя. Он действует по законам сострадания и милосердия, не ждёт на свой дар ответа, но неизменно получает несметное богатство и семейное счастье. Антигерой Каспар совершает поступки, противоречащие человеческой морали и здравому смыслу, что приводит его к гибели.

В «Искателях счастья» образ героя-искателя не только пародируется, но и дублируется. Попутчик Каспара, который якобы знает дорогу к счастью, появляется будто из-под земли. Внезапное вторжение незнакомца («чужого») в жизнь центрального персонажа напоминает появление демонологического антагониста в мифологических рассказах. К слову сказать, аналогичным способом вводится в повествование образ беса-попутчика в повести XVII века «О Савве Грудцыне».

В отличие от Каспара Авет, как назвался другой «искатель счастья», голоден и беден. В то же время он во многом похож на главного героя. В большинстве эпизодов анализируемой сказки Авет ведёт себя так же глупо и беспечно, как и Каспар. По сути дела, этот псевдопомощник является двойником героя в его худших проявлениях. Ограничимся примером исцеления щуки, одним из кульминационных эпизодов текста.

Получив информацию о том, что её болезнь можно вылечить, если освободить рыбу от проглоченного ею камня, «искатели» соглашаются помочь щуке. *«Друзья сделали ей операцию: смотрят, а это драгоценный камень огромной величины. “Клади его в папаху, Авет!” – вскричал радостно Каспар при виде такой драгоценности. “Чё?... – проговорил грубо Авет, нахмурив брови, – зачем в папаху?” – “Нам дадут за него пропасть абазов!” – отвечал озадаченный грубостью друга Каспар. “А зачем нам абазы? Колесо [фортуны – Л.И.] вертится, и счастье наше впереди”»* [4, с. 211].

Каспар соглашается с мнением своего двойника, который ассимилирует здесь функции вредителя. Драгоценный камень (за ненужностью) был брошен в воду. Данный сюжетный эпизод сопровождается моралистической сентенцией рассказчика, оценкой происходящего с точки зрения здравого смысла: *«Так потеряли друзья первое счастье, рассчитывая на будущее. Колеса их вертелись не так уж быстро»* [4, с. 211]. В данном тексте Авет, безусловно, является катализатором отрицательных качеств Каспара. Его суждения и поступки усиливают недостатки главного героя: лень, недалёковидность, глупость и самонадеянность, неоправданную амбициозность.

Системный анализ текста «Искатели счастья» показывает, что принцип смысловой и структурной инверсии проявляется в нём многопланово, объединяя повествование в художественное целое. Трансформация исходного сюжета о герое-искателе в аспекте его пародийной инверсии обнаруживается, например, в несовпадении идейно-композиционной вершины произведения и сюжетной кульминации. Они отделены друг от друга рядом эпизодов, разоблачающих негативные личностные качества героев-псевдоискателей.

Композиционной вершиной является их встреча в ином мире со старичком *«самого почтенного вида»*, дарителем сакральной информации, счастья и удачи. Вершитель судеб регулирует ход колёс *«разной величины и калибров»*, символизирующих жизненный путь и счастье людей [4, с. 210]. Каспар и Авет переживают здесь лучшие мгновения своего путешествия, получают всё, что нужно для успеха и благополучия. Однако в кульминации сюжета, где происходит их вторая встреча со страдающими персонажами (на обратном пути), антигерои отказываются от реальных возможностей стать богатыми и счастливыми. Они легкомысленно пренебрегают наставлениями дарителя и других действующих лиц. *«В восторге от своего счастья»* псевдоискатели предаются гордыне. На все предложения, обеспечивающие счастливое будущее, они неизменно отвечают: *«Наше счастье впереди, колесо вертится...»*; *«Нам ничего не надо, колёса наши вертятся»* [4, с. 210].

В этих высказываниях и в демонстративном отказе «искателей» от конкретных воплощений жизненного благополучия проявляется их абстрактное, иллюзорное представление о счастье. В «Искателях счастья» утверждается мысль о пагубности для сказочного героя отсутствия духовного начала и жизненной цели. Перемещение в пространстве и времени Каспара и его двойника сохраняет значение сюжетного стержня нарратива. Однако пародийная перелицовка сюжета о герое-искателе свидетельствует об утрате традиционной семантики мотива пути как духовно-нравственного становления главного героя. В фельетоне-сказке происходит развенчание «искателей счастья», выявляется их полная несостоятельность в диалоге с окружающим миром, с реальной жизнью. В ходе сюжета отрицательные личностные качества главного героя оказались не устранёнными, начальная нехватка / беда – не ликвидированной. В развязке сюжетной линии незадачливый «искатель счастья» погибает, растерзанный волком. (Как и в сказке «Бедный, но ленивый Василь», волку предназначено съесть глупого человека).

Список литературы

1. Народные сказки Нижней Волги / ред., подгот. текста, сост., вступ. ст. и примеч. Л. Л. Ивашнёвой. – Астрахань : АГПУ, 1999. – 221 с.
2. Пропп В. Я. Трансформации волшебных сказок / В. Я. Пропп // Фольклор и действительность: Избранные статьи. – М. : Наука, 1976. – С. 153–173.
3. Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / сост.: Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. – Л., 1979.
4. П. Фельетон. Искатели счастья. (Армянская сказка) // Восток: газета коммерческая и литературная. – 1866. – № 24. – С. 209–211.
5. Ивашнёва Л. Л. Жанры фольклорной прозы: вопросы поэтики: монография / Л. Л. Ивашнёва. – Астрахань : Изд. дом «Астраханский университет», 2014. – С. 154–180.

References

1. Narodnye skazki Nizhnej Volgi / ed. L. L. Ivashnjova. Astrakhan, ASPU, 1999. 221 p.
2. Propp V. Ja. Transformacii volshebnyh skazok // Fol'klor i dejstvitel'nost': Izbrannye stat'i. M., Nauka, 1976, pp. 153–173.
3. Sravnitel'nyj ukazatel' sjuzhetov: Vostochnoslavjanskaja skazka / L. G. Barag, I. P. Berezovskij, K. P. Kabashnikov, N. V. Novikov. L., 1979.
4. P. Fel'eton. Iskateli schast'ja. (Armjanskaja skazka) // Vostok: gazeta kommercheskaja i literaturnaja, 1866, № 24, pp. 209–211.
5. Ivashnjova L. L. Zhanry fol'klornoj prozy: voprosy pojetiki. Astrakhan, Publishing House «Astrakhan University», 2014, pp. 154–180.

АСТРАХАНСКИЕ ЛЕГЕНДЫ О НИКОЛАЕ ЧУДОТВОРЦЕ (СЮЖЕТНЫЙ ТИП «СПАСЕНИЕ НА ВОДАХ»)

Ивашнёва Лидия Леонидовна, кандидат филологических наук, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: kafruslit@mail.ru.

В современном бытовании фольклорной легенды выявляются апокрифические версии канонического жития Николая Чудотворца и новые сюжетные модели с центральным образом святого. В легендах о шторме на Каспии и о других стихийных бедствиях переплетены эпизоды реального быта ловцов и чудесные видения святого, мотивы его помощи гибнущим людям.

Ключевые слова: агиографические легенды, чудо спасения по молитве, духовный опыт человека, правила поведения в природном мире, мотив запрета и его нарушения

ASTRAKHAN LEGENDS ABOUT THE SAINT NICHOLAS (THE PLOT TYPE «RESCUE ON WATERS»)

Ivashnyova Lydiya L., Candidate of Philological Sciences, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatischev st., e-mail: kafruslit@mail.ru.

In modern folklore the existence of the legend reveals the apocryphal version of the canonical life of St. Nicholas and the new story models with the Central image of the Saint. In the legends about the storms on the Caspian Sea and other natural disasters intertwined episodes about the real life of the fishermen and the miraculous vision of Saint, based on his assistance to perishing people.

Keywords: hagiographic legends, the miracle of salvation by prayer, spiritual experience, rules of behavior in the natural world, the motive of the prohibition and its violation